

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ БИЛИНГВА, ИЛИ «СВОБОДА ПОРЫВОВ», В КНИГЕ Э. САФАРЛИ «СЛАДКАЯ СОЛЬ БОСФОРА»

Н. Б. Руженцева

Уральский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 17 октября 2012 г.

Аннотация: в статье сделана попытка дифференцировать молингвальное и билингвальное художественно-публицистическое языковое сознание с опорой на категории безличности, определенности/неопределенности и модальности. В качестве материала исследования используется книга Э. Сафарли «Сладкая соль Босфора».

Ключевые слова: межнациональный дискурс, языковое сознание, билингв, молингв, безличность, модальность, определенность, неопределенность, реальность, ирреальность.

Abstract: the paper discusses linguistic manifestations of the differences between monolingual and bilingual artistic consciousness. The analysis centers around the categories of impersonality, definiteness/indefiniteness and modality. E. Safarly's book «The Sweet Salt of Bosphorus» is used as the data source.

Key words: international discourse, linguistic consciousness, bilingual, monolingual, impersonality, modality, definiteness, indefiniteness, reality, irreality.

Из ряда книг Э. Сафарли нами была выбрана первая – «Сладкая соль Босфора». Выбрана именно потому, что она – первая, и репрезентация языкового сознания автора в ней минимально скорректирована наработанной со временем идиостилевой манерой. «Сладкая соль Босфора» при первом прочтении произвела приятное впечатление – свежий материал, интересные детали и подробности, в ряде случаев яркие метафоры и метафорические образы. И всё же в тексте Э. Сафарли явственно чувствовалось что-то чужеродное, хотя книга и написана на русском языке.

Может быть, такое ощущение возникло потому, что речь идет о другой стране (Турции) и в тексте много экзотизмов (в конце книги дается целый список турецких и арабских слов и выражений с их переводом или объяснениями)? Вспоминается пелевинская «Generation «П» и ее герой, криэйтер Вавилен Татарский, с его речью, пересыпанной англицизмами, и рекламным слоганом: «Под Кандагаром было круче». Кандагар тоже не в России находится, и всё же и текст пелевинской книги – родной, и слоган – родной, вызывающий пучок ассоциаций.

А может быть, ощущение инородности появилось потому, что книга Э. Сафарли рассчитана на другого адресата (девушку или молодую женщину), которого автор охарактеризовал в интервью для газеты «Бакинский рабочий» от 30 декабря 2011 г.: «Мне сложно представить, как мои книги читают мужчины и зрелые женщины, которые уже научились жить без

оглядки назад». В этом же интервью автор говорит: «В условиях современного книжного бизнеса писать для себя, не задумываясь об аудитории, – слишком дорогое удовольствие. Это могут позволить только именитые писатели. Например, Кинг, Акунин, Улицкая, Петрушевская. И даже они стараются не уходить далеко от жанра стилистики, к которой привык их читатель».

Да, у Б. Акунина иной адресат, но его книги именно о любви – об одной из самых больших ценностей для молодых людей, потому, что если мужчина видит непохожесть женщины на других, воспринимает ее как «залетную птицу», то это – текстовая проекция на любовь. «Пока смерть не разлучит нас...». Ср.:

«Однако куда больше Корнелиуса занимала канцлерова дочь Александра Артамоновна, по-домашнему Саша. Худенькая, беленькая, с круглым лицом и тонким вздернутым носом, с продолговатыми серыми глазами, она представлялась фон Дорну залетной птицей, угодившей в варварскую Московию по прихоти недоброго ветра: подхватил нежную птаху, занес ее за тридевять земель, да и бросил посреди чуждой, дикой чащи» [Б. Акунин. «Алтын-голубас»].

А если мужчина описывает женщину с использованием фруктово-овощной метафоры, то это – проекция не на любовь, а на «отношения». Ср.:

«Купидоны, вырвавшись из пробок, выстрелили в меня у овощной лавки в вечно прохладном помещении «Мигрос». Последний пучок салата, на светло-зеленых веерах которого одновременно соприкоснулись

две руки. Моя, ее. Всегда получаешь то, чего меньше ждешь. Неоспоримый факт, оспариваемый людьми без веры в чудеса... Чуть смуглая кожа, глаза цвета зеленого кофе. Длинные каштановые волосы, собранные в пучок на затылке. Небольшой рост, маленькие пальцы со слабыми ногтями. Чарующая улыбка с ямочками на щеках. Запах кожи сводит с ума. Он, словно ветерок, наполненный ароматом тюльпанов с почти неосязаемой мандариновой горчинкой. Она прикасается к руке, и мне кажется, что в мире нет более гладкой, упругой кожи» [Э. Сафарли. «Сладкая соль Босфора»].

Не верится как-то, что в супермаркете над пучком салата герой Э. Сафарли мог почувствовать в запахе любимой «аромат тюльпанов» с «мандариновой горчинкой». Не верится и в «неоспоримый факт»: для россиян неоспоримых фактов существует крайне мало – оспаривается почти любая фактуальная информация, не говоря уже об информации эмоциональной.

Однако не подобные нестыковки делают текст Э. Сафарли, написанный на русском языке, «неродным». Чужеродность текста детерминирована, в первую очередь, языковым сознанием билингва, которое отнюдь не тождественно языковому сознанию монолингва.

Эльчин Сафарли родился в г. Баку и имеет смешанные азербайджанские, турецкие и русские корни. Жил и работал в Стамбуле. Он принадлежит к билингвам, а возможно, и к полилингвам, т.е. с детства владеет двумя или тремя языками – русским, азербайджанским и турецким. По образованию журналист, пишет на русском языке. Мы относим книги Э. Сафарли к межнациональному дискурсу именно потому, что в их тексте не могло не отразиться двойственное (или даже тройственное) языковое сознание автора (в дальнейшем будет употребляться термин «билингв»).

В настоящее время в специальной литературе коммуникационным проблемам билингвов и полилингвов уделяется достаточно много внимания, и все без исключения исследователи отмечают специфичность билингвальной коммуникации по сравнению с монолингвальной. Как правило, билингвальная коммуникация изучается экспериментальным путем на материале устной разговорной речи, в результате чего делаются выводы о причинах коммуникативных неудач и различиях языкового сознания билингвов и монолингвов. Так, Ю. С. Фомина, исследуя коммуникацию студентов, владеющих одним, двумя или тремя языками, отмечает следующее: «Причинами... коммуникативных недостатков выступают явления социально-культурного и индивидуально-психологического плана. В числе основных факторов, затрудняющих процесс вербального и невербального взаи-

модействия, можно назвать следующие: различия в мировоззрении и поведении индивидов, обусловленные принадлежностью говорящих к разным культурно-языковым общностям, давление, оказываемое на собеседников представителями социальной группы, к которой они принадлежат; несовпадение интересов общающихся; речевые ошибки, возникающие в ходе коммуникации» [1, с. 116].

В свою очередь, мы обратились к письменной (в целом очень мало изученной) коммуникации билингва Э. Сафарли, не имея цели написать рецензию на его книгу. Отталкиваясь от мысли У. Вайнрайха о том, что чертой многоязычия, «которую легко представить в виде переменной, является степень владения каждым данным языком у одного и того же говорящего» [2, с. 28], мы попытались выявить хотя бы малую долю различий между монолингвальным русским и билингвальным языковым сознанием, репрезентированным не в устной разговорной речи, а в тексте, имеющем черты как художественного, так и публицистического стилей (влияние журналистской профессии автора). В основе данной статьи лежит мысль о том, что российское языковое сознание средствами языка отражает иррациональность, неопределенность, непредсказуемость и диалогичность бытия. Языковое же сознание билингва возможности русского языка использует в гораздо меньшей степени, а иррациональная сторона человеческого существования передается внешними средствами, в частности возможностями нарратива. Попытаемся доказать это, обратившись к языковым категориям безличности, определенности/неопределенности и модальности.

«Сладкая соль Босфора» – это книга о том, как молодой человек, переживший любовную драму, уезжает жить в Стамбул, «город души», где пытается избавиться от одиночества, «отпустить прошлое» и начать новую жизнь. И это ему удается – Стамбул открывает герою свою магию, он выплачивает кредит за квартиру, заводит друзей, у него появляется собака. И наконец – самое главное! – он встречает девушку Зейнеп, свою любовь. Через весь текст книги красной нитью проходит мысль об активности субъекта и о свободе человеческой воли. Автор декларирует:

– идею корреляции свободы с желаниями личности: «Быть свободным – значит верить в собственные желания. Многие из них кажутся неосуществимыми. Так кажется. Просто надо сделать первый шаг. Дальше, легче... Быть свободным – значит никогда не жалеть»;

– идею прямой зависимости свободы от воли человека: «Быть свободным – значит желать, добиваясь желаемого»;

– мысль о свободе порывов и необходимости их реализации: «...стремление обрести свободу порывов

с годами продолжало нарастать. Укреплялось. Расцвет произошел в городе души, где, наконец, ощутил моральную свободу»: «Если требовала душа, требования немедленно выполнялись»;

– веру в себя: «Верь в себя. Только так можно стать счастливым»;

– идею возможности строить жизнь «по собственному сценарию»;

– идею возможности сознательного построения внутреннего мира: «Сотни минут, часов, дней, месяцев уйдет на построение внутренней конструкции жизни. С мощным фундаментом, качественным бетоном из камушков смелости. После воздвижения собственного мира былая сумбуренность исчезнет. Воцаряется покой, детали разложены по полочкам, эмоции обретают должные гаммы»;

– идею возможности самостоятельного выбора своей судьбы: «Каждый сам делает выбор. Выбор с целью обретения внутреннего счастья»;

– идею возможности исполнения желаний по воле человека, корректировки жизни: «Жизнь поддается корректировке. Внести изменения проще простого. Стоит захотеть».

Иными словами – человек сам кузнец своего счастья. Однако эту идею, столь растиражированную в идеологизированной литературе советского периода, русское языковое сознание давно отвергло. На уровнях языка, речи и текста это связано прежде всего с категорией безличности, репрезентирующей иррациональность бытия: «Относя безличность к «индивидуальным свойствам русского языка», Н. Д. Арутюнова писала, что в русском языковом сознании человек, занимая центральную позицию в жизни, чувствует свою подчиненность внешней или внутренней силе и стремится согласовать свои действия с течением самой жизни. Это и нашло отражение в безличных конструкциях» [3, с. 23]. Безличные глаголы «обозначают состояние природы, психические и физические состояния живых существ, действие неизвестной силы, наличие, бытие чего-либо, модальные оценки» [4, с. 268]. Именно «действие неизвестной силы», ее влияние на человеческую жизнь сотни раз, с опорой на категорию безличности, находило отражение в произведениях писателей-монолингвов. Ср.: «У Данилы с Катей, – это которая своего жениха у Хозяйки горы вызволила, – ребятишек многолько **народилось**. Восемь, слышь-ко, человек, и все парнишечки... Ребятки здоровеньки росли. Только одному **не посчастливилось**. То ли с крылечка, то ли еще откуда свалился и себя повредил: горбик у него расти стал. Баушки правили, понятно, да **толку не вышло**. Так горбатенькому и **пришлось на белом свете маяться**... Он третьим в семье-то **приходился**, а все братья слушались его... И то Митюнь-

ке **далось**, что отец смолоду ловко на рожке играл...» [П. Бажов «Хрупкая веточка»].

Подобная концентрация безличных глаголов, репрезентирующих влияние неизвестной силы на человеческую жизнь, абсолютно естественна как для автора – монолингва П. П. Бажова, так и для его адресата. Безличные формы выражения мысли, закрепившиеся в процессе становления языкового сознания, имманентны для русскоязычного читателя и отражают национальные основы восприятия человеческого бытия не только в рациональном, но и в иррациональном ключе («Так случилось», «Не сложилось», «Дернуло меня за язык», «Не задалось», «Меня как повело» и др.). Ср. мнение Т. Е. Владимировой: «Категория безличности, отражающая укоренившееся в сознании языческое восприятие внешних обстоятельств как некоей силы и православное стремление преодолеть собственную гордыню, может быть отнесена к тем глубинным интуициям о бытии и о самом себе, которые составили одну из основополагающих скреп русской ментальности» [3, с. 24].

Такой «интуиции о бытии» у билингва Э. Сафарли нет. Его герой активен, совершает действия по собственной воле, поэтому безличных конструкций в книге крайне мало, а текстовая ткань, наполненная личными конструкциями, репрезентирует не внешние обстоятельства, а субъекта как творца собственной судьбы. Особенно ясно активность субъекта проявляется в третьей части книги «Счастье в городе души», отражающей рациональное восприятие мира, связанное с исполнением мечты:

*«Как только между тетушкой Нилуфер и мной было подписано кредитное соглашение на покупку ее квартиры, приступил к ремонту. Первым долгом избавился от банального паркета. Заказал отлично просохшие доски из дуба. Лесной запах, бело-коричневые природные орнаменты, душевная аура. На доски нанесли лак. Всё **мечта готова!**».*

Внешняя, неизвестная сила репрезентирована в языковой ткани текста Э. Сафарли преимущественно глаголом «*пришлось*» в контекстах, говорящих о стечении обстоятельств. Но чаще всего безличные глаголы в «Сладкой соли Босфора» обозначают психическое состояние, эмоцию, чувство, желание субъекта («... на тот момент мне больше всего **хотелось** написать тебе всего четыре слова. «Не жди меня, прошу, забудь»; «Смелости **вернуться в Стамбул не хватало**» и т.д.) и имеют синонимами прозрачные личные конструкции: «Я **хотел** написать...», «Я **боюсь** вернуться...».

Второй категорией, свойственной русскому языковому сознанию и во многом отражающей иррациональность бытия, подчиненность его внешним обстоятельствам, является категория определенности/неопределенности. Не вдаваясь в теорию категорий, всё

же отметим, что наиболее частотным средством репрезентации неопределенности в русском языке являются неопределенные местоимения с частицами **-то, -либо, -нибудь, -кое**, а также неопределенные местоимения и наречия с приставкой **не**. Так, местоимения с частицей **-то** означают, что «элемент ситуации одинаково неизвестен говорящему и адресату», а местоимения с частицами **-нибудь, -либо** «указывают, что говорящий безразличен к выбору предмета, признака или количества в качестве элементов отражаемой ситуации» [4, с. 182– 183]. В художественной литературе эти местоимения могут использоваться для замещения лексем со значением «рок», «судьба», «фатум», «обстоятельства». Ср. конец одного из коротких рассказов И. Бунина: «*Беспощаден кто-то к человеку!*». В разговорной речи неопределенность эксплицируется множеством средств, и прежде всего устойчивыми выражениями типа: *невесть как/какой, сколько, что; черт-те откуда/что, где*. С неопределенностью может сочетаться смысл «любой, всякий»: *какой ни то; абы какой*. Неопределенность часто сочетается со смыслами «средний», «небольшой», «не очень качественный»: *не ахти как/какой, сколько, что*. Существуют и неперебиваемые, но абсолютно понятные русскоязычному читателю выражения типа «*Авось кривая вывезет*», «*Как-то там*», репрезентирующие неопределенный способ действия для достижения цели. Ср. множественное воплощение неопределенности у Н. Гоголя: «*Ну, как-то там, знаете, с обозами или фурами казенными, – словом, судырь мой, дотащился он кое-как до Петербурга. Ну, можете представить себе: эдакой-какой-нибудь, то есть, капитан Копейкин и очутился вдруг в столице, которой подобной, так сказать, нет в мире! Вдруг перед ним свет, так сказать, некое поле жизни, сказочная Шезерезада. Вдруг какой-нибудь эдакой, можете представить себе, Невский проспект, или там, знаете, какая-нибудь Гороховая, черт возьми! или там эдакая какая-нибудь Литейная...*».

В свою очередь, в повествовании Э. Сафарли неопределенность отсутствует почти полностью. Например, его герой **точно знает, как именно** он доберется до Баку или Стамбула, более того – он точно знает, **как именно** люди справляются с обуревающими их или окружающими чувствами, воспоминаниями, переживаниями: «*Меня подтолкнула мама. В один дождливый день собрала мои вещи, посадила в такси, всучила в руки билет: «Езжай. Обрети себя заново, балам!» Произнесла важные слова, поцеловала, заплакала. Дверь такси захлопнулась. И вот я снова с вами... Мама-Скорпион всегда одолевала мою нерешительность. И в этот раз она опять помогла... Я в Стамбуле. В этом ее заслуга. В этом заслуга многих. Ваша любовь перетянула меня обратно*

сюда... Теперь жизнь совсем другая. Стал сильнее. Еще сильнее».

Э. Сафарли предельно конкретен – конкретен в деталях, подробностях, метафорике: «*В турчанке, словно в кисло-сладком грейпфруте, гармонично уживаются два схожих цитруса*». Конкретность высказываний сочетается с категоричностью суждений, выводов, например выводов о характере турецкой женщины: «*Когда есть причина, с надрывом плачет. Когда есть повод, ликует от радости. Это не две стороны одной медали. Это реалии современного мира – белая полоса рядом с черной*». Категоричность авторского сознания, как следствие, детерминирует неумение (нежелание? невозможность?) отразить иную точку зрения, хотя именно точка зрения «является центральной проблемой композиции произведения искусства» [5, с. 9]. Сравним, к примеру, две точки зрения на азиатского принца в рассказе И. Бунина «Господин из Сан-Франциско». Точка зрения автора-повествователя, скорее, негативна: «*Он по росту казался среди других мальчиком, он был совсем не хорош собой и странен – очки, котелок, английское пальто, а волосы редких усов точно конские, смуглая тонкая кожа на плоском лице точно натянута и как будто слегка лакирована*». Точка зрения дочери господина из Сан-Франциско явно позитивна: «*... но девушка слушала его и от волнения слегка не понимала, что он ей говорит; сердце ее билось от непонятого восторга перед ним: всё, всё в нем было не такое, как у прочих, – его сухие руки, его чистая кожа, под которой текла древняя царская кровь, даже его европейская, совсем простая, но как будто особенно опрятная одежда таила в себе неизъяснимое очарование*».

В свою очередь, Э. Сафарли даже не допускает существования иной точки зрения, иного взгляда на окружающий мир, кроме авторского, и это особенно ярко проявилось в портретных описаниях: «*Сана и ее дочь Ане. Темнокожая женщина с густыми бровями. Крупные черты лица. Восхитительные руки – тонкая кисть, шелковистая кожа. Физический труд не испортил природной красоты. Такое ощущение, будто Сана все дни проводит у маникюрщицы. Выдают отросшие, местами потрескавшиеся кутикулы – косметического увлажнения в помине не видели. У Ане мамыны черты. Правда, грубости в контурах лица нет. Губы обветренные. На подбородке черная родинка*». В абсолютно плоских портретах Э. Сафарли, как и в иных фрагментах текста, всё конкретно, всё предельно определено, иные, кроме авторской, возможности интерпретации фактуальной информации даже не предусматриваются. Одной из причин этого является, на наш взгляд, тот факт, что языковое сознание билингва ограничивает использование в тексте множественных средств реализации категории модальности.

Модальность как функциональная категория, выражающая виды отношения высказывания к действительности, дифференцируется на два основных типа: объективную и субъективную. Объективная модальность, выражающая отношение сообщаемого к действительности в плане реальности – ирреальности (неосуществленности), оформляется в речи посредством глагольной категории наклонения: «На синтаксическом уровне объективная модальность представлена противопоставлением форм синтаксического изъявительного наклонения форм синтаксических ирреальных наклонений (сослагательного, условного, желательного, побудительного, долженствовательного)» [6]. Субъективная модальность (отношение говорящего к сообщаемому) реализуется посредством вводных слов, модальных частиц (*вроде, якобы, разве что, чего доброго* и др.), междометий, интонационных средств, порядка слов, специализированных структурных схем предложения [6]. Таким образом, категория модальности служит не только для репрезентации временной определенности (есть, было, будет), но и для установления диалогических отношений с партнером по коммуникации, так свойственных русскому национальному сознанию и самосознанию: «Русское экзистенциальное самосознание характеризуется неотделимостью личностного Я от мировосприятия в целом, а бытийные представления оказываются спаянными с духовным осмыслением назначения человека, не утратившего чувства причастности к несоизмеримо большому Целому. Возможно, этим объясняется и направленность русской языковой личности не столько на передачу информации или волеизъявления, сколько на установление и поддержание искомого уровня диалогических отношений, стремящихся в пределе к созданию общего мира с собеседником» [3, с. 24].

Именно стремлением к «созданию общего мира с собеседником» и объясняется, на наш взгляд, предельная концентрация модальных средств в некоторых произведениях русских писателей. Ср., с одной стороны, синкретизм модально-безличных средств у Лескова (модальные средства выделены):

«– А скажите, пожалуйста, кроме этого московского священника за самоубийцу **разве** никто не молится?

– А не знаю, **право**, как вам на это что доложить? Не следует, говорят, **будто бы** за них Бога просить, потому что они самоуправцы, **а** **впрочем**, **может быть**, иные, сего не понимая, и о них молятся. На троицу не то что на духов день, **однако**, **кажется** даже всем позволено за них молиться. Тогда и молитвы такие особенные читаются. Чудесные молитвы, чувствительные; **кажется** всегда **бы** их слушал.

– А их нельзя **разве** читать в другие дни?

– Не знаю-с. Об этом надо спросить у кого-нибудь из начитанных: **те, думается**, должны **бы** знать; да как мне это ни к чему, так и не доводилось об этом говорить» (Н. Лесков «Очарованный странник»).

С другой стороны, языковые средства, используемые Э. Сафарли, направлены не столько на установление диалогических отношений с миром и читателем, сколько на передачу камерной информации (**о** двоих и **для** двоих) в трех временных планах, даже если речь идет о диалоге с Богом:

«...*Есть места, где ты близок к Богу. Слышишь его могучее дыхание, чувствуешь на себе требовательно-гуманный взгляд, на мгновение слепнешь от сверкания изумрудных крылышек золотоволосых ангелочков. От них пахнет ванилью, как от любимой бабушки, гордо вытаскивающей из духовки маковые булочки с изюмом... Каждый понедельник стараюсь посещать вершину холма Чамлыджа. Далековато от дома. Оно того стоит. Только там – на самой высокой точке Стамбула – удается почувствовать присутствие Бога. Нас разделяет лишь бело-голубая небесная прослойка. Но она – мягкая. Пушистая, легкая – не преграда. Бог протягивает мягкую ладонь, кладет мне на плечо и... молчит. Молчит, безмолвно выкатывая наружу десятки клубков мыслей. Мыслей, среди которых нахожу ответы на многие вопросы».*

В целом модальная доминанта повествования Э. Сафарли – это объективная реальная модальность (настоящее, прошлое и будущее). Из ирреальных синтаксических наклонений преобладают наклонения желательное и долженствования. Ирреальное сослагательное наклонение (глагольные формы с частицей **бы**) в тексте повести, по сути, отсутствует. Крайне ограничено использование средств субъективной модальности (почти нет вводных слов, кроме **может быть**, мало и иных средств выражения отношения говорящего к сообщаемому). Информация чаще всего подается в виде категоричного утверждения, как нечто абсолютное, безусловное, не допускающее иной точки зрения): «Не верю в проблему отцов и детей. Слово «проблема» звучит напыщенно. Обычное недопонимание двух сторон. Легко решаемо. Отец должен вовремя суметь отпустить, ребенок – вовремя уйти. Уйти, не сжигая мосты».

И все же, несмотря на сказанное выше, несправедливо было бы не упомянуть о следующем. Автор «Сладкой соли Босфора» допускает ирреальность бытия, но репрезентирует эти допущения лишь на внешнем, поверхностно информативном уровне текста, не используя возможностей русского языка. К таким допущениям относятся: а) встреча с женщиной в красных туфлях, которая давно умерла, но периодически появляется на улицах Стамбула и предсказывает избранным счастье; б) развернутые метафоры-

олицетворения (Стамбул, Босфор, ветры, луна и др. как живые существа); в) очеловечивание животных (ночной разговор с кошкой Мясам); г) упоминания Аллаха и его влияния на человеческую жизнь, иногда на турецком или арабском языках («Будет не угодно Аллаху», «Во имя Аллаха», «Даст Бог», «Да хранит Бог»). Однако следует заметить, что упоминания о Боге часто кажутся лишь данью восточной традиции и вызваны необходимостью создания национального колорита. Глубинной веры в тексте Э. Сафарли не ощущается, ср.: «В истории жизни данных персонажей непременно отыщут какую-либо трагедию. Спишут на наказание Божье. Хотя случившееся – рядовое стечение обстоятельств»; д) декларации веры в чудеса, в магию.

Думается, что текст «Сладкой соли Босфора» является доказательством того, что языковое сознание билингва в рамках художественно-публицистического стиля отличается от языкового сознания монолингва. Билингв чувствует поверхностные структуры языка, направленные на передачу логической и эмоциональной информации, но внутренние, глубинные языковые закономерности доступны ему далеко не в полной мере. Причинами этого являются: становление личности в полиязыковой среде, где русский (не основной для Баку) язык является прежде всего средством передачи информации, но слабо репрезентирует ментальные категории; разница между культурами и менталитетами; уровень преподавания русского языка и литературы в школе. Причиной этого могут стать и литературные предпочтения автора – это произведения зарубежных писателей: Пруста, Вирджинии Вульф, Кортасара, Золя, Цвейга, Джоан Харрис, Памука. Однако прочитанные в переводе на русский язык тексты не могут в полной мере сформировать языковое чутье, а ощутимого влияния русских писателей в текстовой ткани повести Э. Сафарли не прослеживается.

Мы кратко коснулись лишь трех языковых категорий (безличности, определенности/неопределенности и модальности), однако репертуар факторов текстообразования, влияющих на становление языкового сознания, значительно шире. И, кажется, автор почувствовал это сам. Приведем наиболее яркий, на наш взгляд, пример нарушения Э. Сафарли коммуникативного табу, которого придерживаются большинство носителей русского языкового сознания.

«Сладкая соль Босфора» заканчивается весьма жизнеутверждающе – герой (автор) добился всего, чего хотел, и поверил в силу человеческих возможностей:

– В Стамбуле перевернул страницу, поменяв образ жизни. Завел собаку, отыскал половинку. Почти оплатил кредит за квартиру, полную солнечного света.

– В Стамбуле научился жить так, как хотел. Вне преград, осуждений, опасений допустить ошибку. Совершаю шаги, не взвешивая сутками напролет «за» и «против». Экспромт приносит удачу, если он осознанный. Перед прыжком долго не думаю. Доверяюсь внутреннему порыву. Пока не подводил.

– ...До переезда в город сомневался в силе возможностей. Услышал бы историю о себе сегодняшнем – принял бы за небылицу. Направить русло жизни в желаемом направлении?! Сказки, подобное нереально.

– Зейнеп говорит, что я счастлив. И т.п.

Литературная судьба «Сладкой соли Босфора» оказалась счастливой – после первой книги Э. Сафарли получил известность, его издают и переиздают. Однако совсем не так, как было задумано, сложилась судьба героя (автора) книги. Живет он снова в Азербайджане, а не в Стамбуле и вот что пишет в послесловии к книге «Мне тебя обещали»: «Свою первую книгу, «Сладкая соль Босфора», я написал на основе реальных событий. Просто взял и переложил на бумагу свою историю любви с девушкой, на которой мечтал жениться и с которой хотел иметь детей. Описал наши отношения, вплоть до мелочей – даже о нашей собаке рассказал. Но как только вышла книга, как только она стала бестселлером и как только посыпались восторженные отзывы, всё разрушилось. Мы расстались. Спустя полгода умерла наша собака, а в квартире, где мы жили, произошел пожар. Я совершил ошибку, выставив напоказ то, что должно принадлежать исключительно двоим. Или, быть может, мне следовало заплатить свою цену за успех? Не знаю».

В русской коммуникативной традиции нельзя напоказ выставлять свое счастье – если уж говоришь об успехе, нужно трижды постучать по дереву. Чтобы не сглазить. А о том, что «свобода порывов» для человека ограничена, Эльчину Сафарли должны были сказать русский язык и русский текст. Они и говорили: «Беспощаден *кто-то* к человеку» (И. Бунин); «Если Бог даст»; «Человек предполагает, а Бог располагает». И многое другое. Да только вот билингвальное языковое сознание Эльчина Сафарли этого не услышало.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фомина Ю. С. Роль коммуникативно-деятельностных потребностей в формировании языкового и неязыкового сознания личности / Ю. С. Фомина // Урал. филол. вестник. Сер. : Язык. Система. Личность : Лингвистика креатива. – Екатеринбург : Изд-во ФГБОУ ВПО УрГПУ, 2012. – Вып. 21. – С. 114–118.

2. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. – М. : Высшая школа, 1972. – С. 25–60.

3. Владимирова Т. Е. Межкультурная коммуникация и проблемы развития экзистенциальной лингвистики / Т. Е. Владимирова // Русско-китайские языковые связи и проблемы межкультурной коммуникации в современном мире. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2009. – С. 19–25.

4. Майданова Л. М. Практикум по современному русскому литературному языку / Л. М. Майданова. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1993. – 384 с.

Уральский государственный педагогический университет

Руженцева Н. Б., доктор филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации

E-mail: verbalis@mail.ru

Тел: 8(343) 235-76-12

5. Успенский Б. А. Семиотика искусства / Б. А. Успенский. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 360 с.

6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая рос. энциклопедия, 2002. – 707 с.

Ural State Pedagogical University

Ruzhentseva N.B., Doctor of Philology, Associate Professor of the Rhetoric and Intercultural Communication Department

E-mail: verbalis@mail.ru

Tel.: 8(343) 235-76-12